

УДК 94(560); 327
DOI 10.52452/19931778_2023_1_56

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НЕООСМАНИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2023 г.

П.Е. Смирнова

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва

smirnova.p@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 15.01.2023

Статья посвящена неоосманизму, негласной внешнеполитической концепции Турции на современном этапе, идеологом которой является А. Давутоглу. Доктрина подразумевает проведение многовекторной внешней политики с учетом османского наследия страны и современных реалий. В статье анализируются факторы, способствовавшие активизации идеологии неоосманизма в XXI веке, а также рассматривается взаимосвязь концепций неоосманизма, панисламизма и пантюркизма. Отдельное внимание уделяется историческим истокам идеологии неоосманизма и сегодняшней политике «ноль проблем с соседями» в рамках реализации данной доктрины на внешнеполитической арене. Автор приходит к выводу, что с течением времени в Турции преобладали такие идеологии, как османизм, пантюркизм, панисламизм, кемализм. Однако наиболее прочно в последние годы укрепилась концепция неоосманизма. Последняя формировалась под влиянием прочих доктрин и впитывала в себя их отдельные черты. Несмотря на попытки отодвинуть роль ислама на второй план, в Турции так и не удалось разрушить многовековые традиции. Ислам продолжает оставаться ключевой составляющей жизни Турции и в рамках концепции неоосманизма. Последняя еще не сформировалась окончательно и находится в непрерывной адаптации к новым условиям, а провалы внешней политики на отдельных направлениях заставляют Турцию обратить свой взгляд на новые перспективные регионы.

Ключевые слова: неоосманизм, панисламизм, пантюркизм, Турция, «Стратегическая глубина», ноль проблем с соседями.

С момента своего образования в 1923 г. Турецкая Республика придерживалась прозападного курса. Вестернизация, начавшаяся при первом президенте Турции Мустафе Кемале Ататюрке, получила свое продолжение и после Второй мировой войны, так как интересы Турции в то время совпадали с западными странами. Однако в 1980-х гг. ситуация начала меняться. И уже в начале XXI века в Турции происходит серьезная трансформация внешнеполитической доктрины. Этому способствовали и внешние факторы, такие как окончание холодной войны, а также появление и укрепление на международной арене новых акторов.

Самостоятельная внешняя политика Турции без оглядки на западных союзников, активное развитие отношений с Россией, поддержка ядерной программы Ирана, попытка вмешательства во внутренние дела ближневосточных стран во время «арабской весны» – все это демонстрирует отход от Запада и начало диверсификации внешней политики. Результатом таких изменений стали укрепление Турции как самостоятельного игрока и активизация имперских устремлений Турции контролировать территории, некогда входившие в состав Османской империи. Подобную политику Анкары в Тур-

ции именуют многовекторностью и прагматизмом, в то время как научное сообщество называет ее политикой неоосманизма.

Цель работы заключается в формировании четкого понимания политики неоосманизма современной Турции. Для этого необходимо разобраться, что именно представляет собой данная идеология. В задачи статьи входит показать исторические корни доктрины неоосманизма, развитие и трансформацию этой идеологии с течением времени и ее роль во внешней политике Турции сегодня.

Истоки неоосманизма уходят корнями в середину XIX века, когда под влиянием западных мыслителей зарождающийся слой интеллигенции в Османской империи создавал тайные организации. Одной из таких организаций стало образованное в 1865 г. Общество новых османов. Организаторами выступили видные общественные деятели того времени Намык Кемаль, Ибрахим Шинаси и Зия-паша. Секретное общество было создано с целью предложения рецептов сохранения и укрепления империи по причине того, что еще в начале XIX века об Османской империи заговорили как о «большом человеке Европы». Согласно позиции представителей Общества, нужно было перестать разделять

страну на этносы и создать новую нацию с одноименным названием – новые османы [1]. Для укрепления власти в ослабшей империи предполагалось создание единого сообщества граждан и опора на конституционные принципы: принятие Конституции, создание парламента – все это, как считалось, могло помочь реанимировать Османскую империю. Предполагалось декларировать «равенство всех османов», то есть всех подданных огромной Османской империи независимо от их национальности, языка и религии. «По Закону 1869 г. подданство определялось только на территориальной основе, без учета конфессиональной принадлежности, но сам концепт единого территориального государства-нации, гомогенность которого достигается с помощью равных гражданских прав, не имел прецедентов в османской или исламской истории» [2]. Таким образом были заложены истоки османства, который в дальнейшем трансформировался в концепцию неоосманства, впитывая в себя отдельные черты других идеологий.

Однако доктрина османства на тот момент не имела никакой перспективы, так как национальное развитие народов вело их к освобождению от гнета Османской империи, а потому спасти последнюю было фактически невозможно. Реформы, которые были проведены с опозданием, имели эффект лишь спустя долгое время, а значит, распад «большого человека Европы» был предрешен. Поэтому в конце XIX века османство использовалось лишь как один из путей спасения империи [3, с. 20–22].

В 1876 г. при Абдул Хамиде II была принята Конституция, которая определяла структуру государства, провозглашала в Османской империи конституционную монархию и официально закрепляла равные права подданных вне зависимости от вероисповедания. Также создавался парламент, который ограничивал власть султана. Однако в связи с поражением в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. парламент был распущен султаном и не собирался вплоть до прихода к власти младотурок в 1908 г., хотя официально Конституция отменена не была.

Впоследствии преемниками новых османов выступили именно младотурки, которые стремились «отуречить» все совместно проживающие этносы. Примечательно, что в турецком языке нет различий между словами «турок» и «тюрк». И то, и другое понятие передается через слово *Türk*. Так, выступая против султана Абдул Хамиде II, младотурки предлагали свой вариант дальнейшей судьбы империи, где особое место отводилось единой полиэтнической нации. Подобные идеи младотурок являлись

продолжением идей османства, но лежали на стыке тюркизации и исламства, при приоритетной роли тюркизма.

Идея исламства откликалась как младотуркам, так и сторонникам власти Абдул Хамиде II, так как ни те, ни другие не хотели терять свое влияние в стране, где доминирующей религией был ислам. Абдул Хамид также был убежден, что ислам – это перспективная, чистая религия. Признавая, что османское общество находилось в застое, пока западные государства активно развивались, он считал, что именно ислам может пробудить общество и трансформировать его [4, с.173]. Однако, в отличие от сторонников Абдул Хамиде, младотурки считались с исламом скорее вынужденно. Исламизм был фактором сохранения власти султана, так как он считался посланником Бога на земле. Среди главных принципов исламистов были верность и почитание Корана, следование традициям шариата, признание превосходства исламских ценностей над западными. Однако все сходились во мнении, что возможно использовать накопленный опыт Запада в науке и экономике, чтобы ускорить развитие страны, если будут сохранены исконно исламские ценности.

Тюркизм же младотурок первое время не был столь заметен, поскольку младотурки получали существенную поддержку со стороны других национальностей, входивших в состав Османской империи, которые надеялись обрести независимость после распада империи. В дальнейшем главной опорой для возрождения мощи государства стал именно тюркизм, который подразумевал объединение народов в рамках одного государства.

Одним из основоположников идей тюркизма в Турции стал известный теоретик Зия Гекальп. Свои идеи он изложил в работе «Основы пантюркизма», где тюркизм является первым этапом процесса объединения страны, на котором происходит искусственная ассимиляция народов в самой Турции. Вторым этапом должен стать пантюркизм, то есть выход за пределы Турции и объединение тюркских народов за пределами государства. И так как для многих народов, в том числе на Балканах, идея собственного национализма была прочнее, чем объединение в рамках исламского государства, ставка была сделана на тюркизм, а не на исламизм. Зия Гекальп признавал роль ислама в обществе, но при этом считал, что государство должно носить светский характер, а основой должна быть культурная общность. Задача государства – «отуречивание» всех этносов, даже тех, которые не являлись тюркскими, посредством просветительной деятельности, развития культуры и образования [5].

Таким образом, тюркизм – не что иное, как искусственная ассимиляция внутри страны, а пантюркизм – тенденция к объединению тюркских этносов региона. Исторически эти понятия тесно связаны с идеей создания Великого Турана. Туран – это историческая территория, где проживали тюркские народы, простирающаяся от Байкала до Балканского полуострова. В отличие от туранизма тюркизм и пантюркизм имеют более определенные задачи и отличаются ориентацией на будущее, в то время как туранизм основывается на общем прошлом тюркских народов [6].

Интересно, что идея тюркизма возникла даже не в Османской империи, а за рубежом. В Российской империи Исмаил Гаспринский, а затем Юсуф Акчура активно развивали идеи объединения тюркских народов, однако изначально это было лишь культурное и религиозное объединение тюрков-мусульман Российской империи [7]. Юсуф Акчура проанализировал в своей работе «Три вида политики» факторы, которые могли бы предотвратить развал Османской империи. Среди них были османизм (внутреннее единение нации), исламизм (объединение мусульман в рамках империи) и тюркизм (формирование тюркской нации как лидирующей).

По мере того как османизм, в дальнейшем трансформировавшийся в неосманизм, впитывал в себя отдельные черты тюркизма, нарастало недовольство младотурками в стране. Происходившие национально-освободительные войны на Балканах только подогревали революционные настроения в стране и обостряли восточный вопрос. В результате войн Османская империя потеряла почти все территории, а младотурки – власть после поражения Османской империи, выступившей на стороне Германии и Венгрии в Первой мировой войне. Это привело в дальнейшем к окончательному распаду империи, просуществовавшей несколько столетий, и фактически оккупации ее территорий иностранными государствами.

В ночь на 3 ноября 1918 г. лидеры младотурок бежали на германском военном корабле в Одессу, а оттуда перебрались в Германию. Партия «Единение и прогресс» объявила о самороспуске. Турция стояла на пороге нового этапа своей истории. В такой атмосфере не могло не зародиться новое национальное движение, во главе которого оказался Мустафа Кемаль, позднее получивший фамилию Ататюрк, что в переводе с турецкого означает «отец турок». Мустафа Кемаль участвовал в подготовке младотурецкой революции 1908 г., однако в дальнейшем отдался от младотурок ввиду появившихся разногласий. Во время службы в

период Первой мировой войны и последующей за ней национально-освободительной войне против иностранной оккупации Мустафа Кемаль проявил себя как выдающийся командующий, обладающий всей совокупностью лидерских качеств. Успешные военные действия позволили восстановить самостоятельность государства и провозгласить Турецкую Республику 29 октября 1923 г. Неудивительно, что в качестве первого президента выступил именно Ататюрк, а ряд младотурок перешли на его сторону в республиканский период.

С момента создания Турецкой Республики и на протяжении долгих лет основой внешнеполитического процесса в Турции был кемализм. Это набор принципов, которые были заложены Мустафой Кемалем после окончания национально-освободительной войны. Основными принципами, которые именуется «шестью стрелами» Ататюрка, являются республиканизм, лаицизм, национализм, народность, этатизм и революционность (верность принципам революции) [8]. Так была сформирована своя система взглядов, которая, однако, не была образована на пустом месте. По сути кемализм является национальной идеей, очень близкой к тюркизму. Кемалисты критически посмотрели на тот опыт и те основы, которые были заложены младотурками, находившимися у власти до 1918 г. [9]. Слабая республика, все еще ощущавшая на себе последствия иностранной оккупации, просто не имела возможности развивать более масштабные идеи пантюркизма, а потому произошло смещение акцента с реализации международных амбиций за пределами собственных границ на укрепление национальной идеи в рамках нового государства.

Так, в 1924 г. была принята новая Конституция, и согласно ее статье 88 все граждане Турции вне зависимости от религиозной и расовой принадлежности считались турками. Однако в турецком языке существует только один лексический вариант для обозначения «турка» и «тюрка», что демонстрирует не только реализацию идею гражданственности, но и попытку создать единое сообщество, стерев границы между различными этническими группами [10].

Таким образом, в республиканский период до Второй мировой войны основной идеологией был турецкий национализм, принявший форму кемализма. Мирлобивая политика последователей Кемалья не имела претензий на зарубежные территории, где проживали другие тюркские народы, главным было консолидировать тот народ, который уже входил в состав Турецкой Республики.

Кемалисты в рамках реформирования страны проводили секуляристскую политику, отделили

ислам от государства, упразднили халифат. Однако новые веяния не смогли полностью заменить прочные вековые традиции и культуру страны. Таким образом, кемализм не искоренил ислам, а лишь ослабил его.

Уже после окончания Второй мировой войны роль ислама начала заметно усиливаться. Этому способствовало создание многопартийной системы в Турции, где религия активно использовалась отдельными политическими партиями для завоевания поддержки населения. Так, Демократическая партия, находившаяся у власти в 1950–1960 гг., сделала большое количество послаблений в отношении ислама. Бюджет управления по делам религий сильно увеличился, началось активное строительство мечетей, открывались религиозные школы.

Но ввиду того, что армия в Турции играла важную роль в социально-политическом процессе, а также всегда стояла на страже принципов светскости, все попытки радикальной исламской деятельности вплоть до 1990-х гг. заканчивались военными переворотами, которые носили в том числе и антиисламский характер. Поэтому весь послевоенный период был сопряжен с чередованием укрепляющейся роли ислама и военных переворотов.

К концу XX века роль армии в Турции начала снижаться, она перестала играть сдерживающую роль. Ведь Турецкая Республика уже не являлась государством-воином, созданным и поддерживаемым завоеваниями, как это было с Османской империей [11]. Забегая вперед, стоит отметить, что после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития в 2002 г. были проведены реформы, окончательно уничтожившие инструменты влияния турецкой армии на политическую жизнь страны. В этот момент рухнула та системы страны, которая долгое время с момента образования республики была нацелена на сдерживание исламистов [12].

Это дало новую возможность для развития не только исламизма внутри страны, но и таких идей, как панисламизм и пантюркизм. Их отличие состояло в том, что и та, и другая концепция предполагает выход за территориальные границы государства и объединение народов наднациональной идеей. В случае с пантюркизмом это стремление создать наднациональную идентичность тюркских народов, в то время как панисламизм предполагал единение по религиозному принципу.

Появлению и развитию «панидей» способствовал и тот факт, что в 1980-х гг. Турция переживала серьезный экономический подъем. Бурное экономическое развитие страны и стабильность, либерализация, проведение ряда ре-

форм, а также формирование среднего класса сделали страну сильнее и увереннее, а потому амбиции республики стали распространяться и на территории за пределами ее собственных территориальных границ.

Период республиканской Турции в 1980–1990-х гг. в целом можно назвать сплетением идей пантюркизма и панисламизма. В этот период сторонники исламизма в стране представляют собой уже не маленькие идейные группы, а крупные исламские фонды и холдинги, с мнением которых приходится считаться. Они активно занимаются благотворительностью, строительством мечетей, открытием школ, интернатов, созданием курсов и прочей деятельностью, способствующей росту имиджа ислама. Причем, что важно отметить, вся эта деятельность была реализована не только в стране, но и за рубежом.

В 1992 году было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА), которое, используя «мягкую силу», стало проводником внешней политики Турции. Агентство создавалось для реализации идеи единения всех тюрков, исповедующих ислам. Однако в настоящее время организация нацелена на реализацию внешнеполитических амбиций Анкары не только в тюркских регионах, претворяя в жизнь политику неоосманизма.

В это же время возрастает интерес к османскому наследию и прошлому империи, появляется и развивается концепция неоосманизма. Понятие «неоосманизм» впервые было введено в оборот еще в 1970-е гг., после кипрских событий 1974 г., когда Турция ввела на остров свои войска, провозгласив там создание Турецкой Республики Северного Кипра [13, с. 110–114].

Первым идеологом неоосманизма принято считать Тургута Озала, занимавшего пост премьер-министра Турции в 1983–1989 гг., а затем пост президента в 1989–1993 гг. Т. Озал полагал, что Турция уже по определению является частью Запада, а потому у нее есть все возможности для того, чтобы использовать накопленный опыт и достижения Европы для реализации собственного потенциала. Ислам же, будучи доминирующей религией, нисколько не мешает этому процессу, а только способствует укреплению и единению страны, так как, по мнению Т. Озала, является «толерантной религией», а значит, может обеспечить мир в стране и регионе [14, с. 71].

Т. Озал считал, что именно имперское прошлое Турции, сумевшей сохранить свою идентичность, открывает для нее большие возможности для установления своего лидерства в регионе. По большому счету все задачи неоосманизма сводятся к установлению культурного,

экономического, а затем и политического контроля над территориями, входившими ранее в Османскую империю, особенно ее восточную часть, а также над Балканами [15, с. 81–97]. Но в турецком понимании неоосманизм – это процесс демократизации, попытка выйти на уровень мировых держав. Таким образом, Турция пытается возродить величие уже несуществующей империи через существующую республиканскую Турцию. Для этого политическая элита использует и религиозную составляющую для укрепления своего влияния, и отдельные черты пантюркизма. Примечательно, что официально нигде не обозначается внешнеполитическая доктрина Турции, но негласной идеологией можно считать именно концепцию неоосманизма.

Сегодня, когда политологи часто говорят о крахе либеральной модели идеологии, о моральном и духовном застое, а также когда мелькают сообщения о столкновении ислама и христианства, Турция, находящаяся на условной границе цивилизаций, предлагает региону свою идеологию, которая подразумевает не противостояние религий или культур, а, напротив, их совместное сосуществование [16].

Опирается концепция неоосманизма на 4 принципа: крови, почвы, языка и османского мышления. Принципы крови, земли и языка достаточно сильные, но имеют свои исключения, чего нельзя сказать о принципе османского мышления. Будучи внешнеполитической идеологией, неоосманизм включает в себя, помимо политической, также экономическую и культурную составляющую.

Важно отметить, что неоосманизм не ставит своей целью создание новой империи. Основная задача – это создание новой глобальной макроидентичности, которая лишь опиралась бы на общее османское прошлое [17]. Таким образом, неоосманизм включает в себя важный компонент истории (т.е. связи республики с империей), культуры (территориальные связи и наследие), а также опыт, который может быть использован для решения внутренних и внешних задач.

Неоосманизм, как уже отмечалось, возник на стыке концепций османизма, исламизма и тюркизма и впитал в себя их отдельные черты. Так, внутренним параметром неоосманизма является именно сильная национальная идея тюркизма, где тюркский этнос в рамках концепции неоосманизма является центральным, выполняющим роль лидера. Внешняя составляющая концепции предполагает османскую идентичность, которая образует наднациональный уровень, способный сплотить различные этносы и религии, объединенные общим прошлым и тесными связями. А исламизация позволяет эффективно

решать поставленные задачи используя религиозный рычаг давления, что активно проявляется в поддержке, оказываемой мусульманскому населению за пределами Турции, и большом числе исламских проектов, реализованных за рубежом.

Еще больше черт исламизма впитала в себя концепция неоосманизма во время нахождения у власти в Турции Партии благоденствия во главе с Неджметтином Эрбаканом, являвшимся премьер-министром Турции в 1996–1997 гг. Он считается основателем политического ислама в Турции и наставником нынешнего президента Реджепа Тайипа Эрдогана. Созданная в 1960-х гг. партия Эрбакана победила на выборах в 1995 г. и стала активно продвигать исламские ценности, стремилась к объединению исламского мира от Казахстана до Марокко. Так неоосманизм в 1990-е гг. шел рука об руку с панисламизмом, так как Османская империя, по мнению Н. Эрбакана, ассоциировалась в первую очередь именно с исламом. Неоосманизм впитал в себя прочную опору на мусульманское население в других странах, покровительство туркам, проживающим за рубежом (особенно на Балканах).

Дальнейшему развитию идей неоосманизма способствовали и мировые события в 1990-х гг. Окончание холодной войны, распад СССР и появление новых независимых тюркских государств, распад Югославии и образование новых государств на Балканах на границе с Турцией, на которые можно было распространить свое влияние, дали толчок активизации внешней политики Турции, сразу признавшей их независимость [18]. Например, в 1991 г. Турция признала независимость Северной Македонии, Азербайджана, Грузии, Таджикистана, в 1992 г. – Боснии и Герцеговины, Узбекистана, Туркмении. В большинстве стран она была первой страной, установившей с ними дипломатические контакты.

Кроме того, после образования республики Турция ориентировалась в своей внешней политике преимущественно на Запад, шел активный процесс вестернизации и демократизации, а в дальнейшем стремление стать членом Европейского союза было основной внешнеполитической задачей страны. Турция прошла долгий путь к членству в Европейском союзе, однако до сих пор не стала страной-членом этой организации. С течением времени перспектива вступления в данную европейскую структуру казалась все более туманной. Несмотря на все усилия Турции показать, что она достойный кандидат и заслуживает места среди стран-участниц, европейские государства не спешили принимать Турцию в свои ряды, ссылаясь на

несоответствие ряду критериев. Однако вскоре стало очевидно, что сама Турция уже не стремится, как раньше, выполнять Маастрихтские критерии. Начинается процесс активной переориентации внешней политики на страны, где возможно применить концепцию неоосманизма, хотя сотрудничество с Западом по-прежнему остается одним из приоритетов [19, с. 53–66].

Второй союзник Турции – США – начинает подвергаться критике со стороны правящей элиты Турции. США обвиняются в поставках оружия курдам в Сирии, которые считаются террористами в Турции. Анкара ссылается на то, что ее интересы и мнение по ряду вопросов просто игнорируются со стороны Вашингтона. А после признания столицей Израиля города Иерусалима со стороны США, противоречий, возникших на фоне «арабской весны», а также выхода США из ядерного соглашения по Ирану Турция выражает крайнюю степень своего негодования.

Обострение в отношениях с Западом происходит и после попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. [20]. Несмотря на провал переворота, это событие еще больше отдалило союзников друг от друга. США отказали в экстрадиции Фетхуллага Гюлена, который в Турции считается одним из организаторов неудавшегося переворота [21].

Таким образом, отношения с Западом становятся достаточно противоречивыми. Понимание того, что Турции вряд ли удастся стать полноправным членом Европейского союза, а со стороны США для Турции уготована роль периферийного государства, сильно дискредитировало идею европейского выбора Турции.

Понятно, что такое положение дел не могло устраивать амбициозную и уже достаточно укрепившуюся Турецкую Республику. Стремление к демократизации и европеизации, начавшееся за долгие годы до прихода к власти Партии справедливости и развития, в XXI веке привело к прямо противоположному эффекту. Разногласия с Западом дали толчок усилению националистических, консервативных настроений в стране. Все это привело к появлению узлов противоречий и обострившемуся соперничеству за влияние как минимум в регионе, как максимум – во всем мире.

Желание Турции выйти на новый уровень, устремления к укреплению своей роли на региональной и международной арене дали начало проведению активной многовекторной политики, которая в идеале должна была укрепить позиции Турции как страны, с которой должны считаться другие акторы международных отношений.

Подобные изменения поставили Турцию в подвешенное состояние. Политика ориентации на Европу и США, начавшаяся в середине XX века, не принесла положительных результатов, в то время как развитие отношений с Востоком было уже частично упущено. Запад так и не принял Турцию, а Восток не признал за своих [9]. Это также катализировало жажду усиления своего влияния и укрепление неоосманизма в качестве негласной внешнеполитической идеологии.

Окончательно в качестве современной внешнеполитической идеологии неоосманизм оформился после 2002 г., когда к власти в Турции пришла Партия справедливости и развития. А современным «архитектором» неоосманизма можно считать А. Давутоглу, занимавшего пост министра иностранных дел в 2009–2014 гг., а затем пост премьер-министра Турции в 2014–2016 гг.

На сегодняшний день концепция неоосманизма закреплена в фундаментальном труде А. Давутоглу «Стратегическая глубина» [22]. В начале работы он уделяет особое внимание теории и философии международных отношений, анализирует понятие «международные отношения». А. Давутоглу делит государства на 4 типа: супердержавы, великие державы, региональные государства и малые страны. Кемалисты, по мнению Давутоглу, отказавшись от преемственности, приготовили для Турции будущее малого государства, несмотря на огромный потенциал и богатую историю.

Однако, по мнению автора, Турция должна положить конец такому ущемленному положению на мировой арене, ведь для этого она обладает всеми необходимыми ресурсами, стратегическим мышлением и огромным потенциалом, который можно направить в нужное русло. «Стратегическая глубина» – это и исторические корни в регионе, и нахождение в центре геополитических сфер влияния.

Будучи внешнеполитической идеологией, неоосманизм касается не столько одной Турции как субъекта международных отношений, сколько взаимодействия с другими странами посредством политических, экономических и культурных контактов. Как и любая идеология, неоосманизм стремится к расширению. А значит, он стремится выйти за рамки национального государства на региональный уровень. Турция активно наращивает свое влияние в государствах Балканского полуострова, Ближнего Востока и Северной Африки. Не стоит забывать о территориях Южного Кавказа и тюркских народах Среднего Востока. Все эти земли являются сферой интересов Турецкой Республики на современном этапе.

Однако наиболее перспективным можно считать регион Балкан. Ведь Кавказ и Средняя Азия – это территории, где сильно влияние России. А Ближний Восток и Северная Африка – это преимущественно страны арабского, а не тюркского мира. А, как известно, для того, чтобы получить роль регионального лидера, недостаточно ресурсов и амбиций самой страны. Очень важно получить признание со стороны соседей. Добиться этого со стороны стран арабского мира крайне сложно. Во-первых, из-за вопроса идентичности, ведь тюркский народ – это не то, что входит в условное поле «свой» в дихотомии «свой–чужой». Более того, Турция представляет собой светское государство среди арабских недемократических режимов. А потому предложенные со стороны Турции ценности вряд ли могут быть приняты в таком виде.

Важно упомянуть и о том, что неоосманализм – это не только цель, но также интерпретация прошлого и будущего. Это целая цивилизационная парадигма и философия истории. Османское прошлое представляет собой историческую данность, а развитие и успешность страны – это будущее. И одно невозможно без другого.

Давутоглу отмечал, что Турция не просто отделилась во время кемализма от соседей, она стала забывать свою историю. В таких условиях важным является установление нового и справедливого миропорядка. Однако впоследствии миропорядок «преобразовался в часть стратегии Турции по распространению собственной политической модели» [23, с. 74].

По аналогии с кемализмом А. Давутоглу предложил свои 6 принципов во внешней политике:

- 1) нахождение и поддержание баланса между свободой и безопасностью;
- 2) вовлечение всех региональных сил в мировой процесс в рамках концепции «ноль проблем с соседями»;
- 3) проведение эффективной дипломатии;
- 4) стремление к взаимодополняющим действиям с основными игроками на мировой арене;
- 5) использование международных форумов и инициатив, таких как ООН, НАТО, ОИК;
- 6) создание нового образа Турции как результат пяти предыдущих принципов [24].

В 2008 году появилась концепция политики «ноль проблем с соседями», основоположником которой также является А. Давутоглу. Она тесно коррелирует с концепцией стратегической глубины. Основанную на борьбе за мир и справедливость, ее можно было бы отчасти считать даже логическим продолжением идей кемализма, где лозунг Ататюрка был «мир в стране – мир во всем мире» [25]. Именно этот лозунг

можно увидеть на странице Министерства иностранных дел Турции, ведь развитие страны может происходить только в мире и при стабильности в регионе. Отсюда вытекает стремление Турецкой Республики разрешить все противоречия с соседними государствами.

Однако на практике эта концепция обернулась большим количеством проблем с соседними государствами в регионе. Основной целью было укрепление экономического сотрудничества и снижение политических противоречий. Но события, всколыхнувшие регион и получившие название «арабской весны», не дали планам сбыться. «Арабская весна» изменила баланс сил в регионе, чем поспешила воспользоваться Турция. В 2011 г. происходит пересмотр ценностей Анкары, однако официально отказа от доктрины «ноль проблем с соседями» так и не последовало. Желая максимально извлечь выгоду для своей страны, руководство Турции начало активное вмешательство в дела соседних государств. Таким образом, несостоятельность этой концепции была продемонстрирована волной революций в странах на Ближнем Востоке, когда Турция начала действовать вразрез с собственными концепциями [26].

Однако регион Ближнего Востока – это проблемная территория в целом, где сосредоточено большое число противоречий и конфликтов между странами. Подобные проблемы не могут быть разрешены уже на протяжении длительного времени целым рядом стран при посредничестве международных организаций, а также отдельных крупных держав. Опрометчиво было полагать, что Турция сможет взять на себя ответственность за регион и единолично разрешить все конфликтные моменты.

В итоге принцип «ноль проблем с соседями» потерпел крах. Но Турция, взяв на себя ответственность, все еще стремится навязать свою центральную роль в регионе.

А. Давутоглу отмечает, что традиционная внешняя политика, которая фокусировалась на отношениях с США, ЕС и НАТО, приводила к тому, что страна оказывалась в изоляции. Именно поэтому после окончания холодной войны у Турции появилась возможность перефокусироваться на региональные альтернативы, которые все это время оставались в тени западного вектора. Для укрепления своего влияния Турции необходимо усилить позиции на Ближнем Востоке, Балканах, Южном Кавказе.

Усилению неоосманистских устремлений в конце XX века способствует и тот фактор, что исторически большая часть соседних территорий входила в состав Османской империи. Но границы современных государств, сформиро-

ванных после окончания Второй мировой войны, зачастую не отвечают историческим, религиозным и этническим факторам, дестабилизируя обстановку и создавая новые узлы противоречий [27].

В новом мире и изменившихся условиях на международной арене в XXI веке о Турции говорят как о новом акторе в системе международных отношений, отчетливо прослеживается независимость ее политики. Лозунг Эрдогана «мир больше пяти», подразумевающий, что помимо постоянных членов Совета Безопасности ООН существуют и другие государства, которые тоже имеют свой вес в мировых делах, явное тому доказательство. Сегодня Турция – это региональная держава, а не малое государство. И ее успехи напрямую связаны с тем вакуумом, который образовался после окончания холодной войны. В дальнейшем будущее развитие Турции будет зависеть не только от непосредственно действий власти в стране, но и от международной конъюнктуры и того, как поведут себя другие региональные и мировые игроки. Иными словами, позволят ли они Турции распространить свое влияние в рамках концепции неоосманства далеко за пределы ее собственных границ.

Концепция Давутоглу «ноль проблем с соседями» не смогла разрешить ни кипрский вопрос, ни проблему курдских сепаратистов. Не была решена и проблема вступления Турции в ЕС. Дипломатических отношений между Турцией и Арменией так и нет, а отношения с рядом стран испорчены. Без сомнений, возможно говорить о неудаче данной политики на ближневосточном направлении, но существуют еще и другие направления, например Балканы, где Анкара работает очень активно в последние годы. «Есть наследие, которое оставила Османская империя. Нас называют «неоосманами». Да, мы и есть «неоосманы». Мы вынуждены заниматься соседними странами, и пойдём даже в Африку...», – заявил бывший министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу в конце 2009 г. [2].

Таким образом, истоки идеологии неоосманства как новой макроидентичности не случайно возникли в 1880-х гг., когда шел процесс распада Османской империи. Только подобного рода концепция смогла бы сгладить раскол между сторонниками Запада и традиционных ценностей в самой стране, а также укрепить исторические связи с новыми независимыми государствами в регионе.

В заключение хотелось бы отметить, что вся история республиканской Турции характеризуется волнообразной динамикой, что и определя-

ет наличие сразу нескольких идеологий, которые оказались тесно переплетены. Если после образования республики шел активный процесс демократизации, вестернизации и отделения государства от церкви, то уже после Второй мировой войны начинается подъем ислама. Борьба с радикальным исламом впоследствии приводит к целому ряду военных переворотов в стране и приходу к власти в 2002 году умеренной исламской Партии справедливости и развития. Преобладание синтеза пантюркизма и панисламизма в 1980–1990-х гг. принесло свои результаты, однако создать единый тюркский союз в Евразии Турции так и не удалось. Отчасти это связано не только с внешними факторами, но также и с противостоянием внутри самой страны. Наиболее показательным примером является конфликт ПСР и сторонников Гюлена. Таким образом, на смену дуэту из пантюркизма и панисламизма уже в начале XXI века приходит концепция неоосманства, которая сочетает в себе умеренную исламизацию и равноправное и мирное сосуществование различных цивилизаций, создавая новую, наднациональную макроидентичность.

Однако концепция неоосманства еще не сформирована окончательно. Она впитала в себя черты панисламизма и пантюркизма и уже трансформировалась с течением времени с учетом современных реалий. Пришедшая к власти Партия справедливости и развития во главе с Эрдоганом сумела извлечь уроки из прошлого. ПСР использует ислам как средство, делая при этом ставку на неоосманство [1]. ПСР активно использует исламизацию общества, пропаганду, что демонстрирует процветание религиозных организаций в современной Турции. По этой причине понять политические процессы, происходящие в Турции, без учета исламского фактора не представляется возможным. Ислам на протяжении всей истории страны активно адаптировался не только к новым реалиям политической жизни, но и к идеологическим течениям.

Попытка государственного переворота в 2016 г. стала лишь очередным катализатором процесса укрепления амбициозного руководства страны. После неудавшейся попытки был усилен контроль за средствами массовой информации в Турции, спустя год был проведен референдум о внесении поправок в Конституцию. В результате изменений была упразднена должность премьер-министра, по сути власть стала сосредоточена в руках президента, что стало переходом к президентской форме правления [28]. Важной представляется и судебная реформа, в результате которой были упразднены военные суды, а ведь именно военные стояли на страже лаицизма в Турецкой Республике.

Полная смена идейной парадигмы в сторону панисламизма может подорвать стабильность в стране и регионе. Это может привести к обострению противоречий как национального характера, так и религиозного, причем и в рамках самой страны, и за рубежом [29].

Сегодня ислам в Турции – это ответ на тот дисбаланс, который был создан в результате резкого перехода к политике национализма и кемализма после распада Османской империи, это желание Турции построить свою собственную идентичность. И ПСР, создавая образ «умеренных демократов» и проводя активную политику неоосманства, пытается ее создать, однако не только в рамках своей страны, но и на всем постосманском пространстве.

Безусловно, быстро меняющиеся события в мире заставляют Анкару пересматривать свои приоритеты, менять цели и задачи и даже корректировать принципы внешней политики. Но стремление Турции стать региональным лидером никуда не уйдет, а потому Турция продолжит свою многовекторную политику, уделяя особое внимание отдельным регионам и используя новые методы для реализации концепции неоосманства.

Список литературы

1. Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. С. 48–61.
2. Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3. С. 117–136.
3. Петросян Ю.А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII – начало XX в.). М., 1985.
4. Kemal N. Karpat. The Politicization of Islam. Oxford University Press, 2001.
5. Варганьян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманства, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 26–30.
6. Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkcülüğün Çatallanan Yolları // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul, 2009. P. 345–387.
7. Мейер М.С. Россия и исламский мир // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158.
8. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.
9. Данилов В.И. Метаморфозы турецкого национализма // Ближний Восток и современность. М.: ИБВ, 2000.
10. Türkiye Cumhuriyeti 1924 Anayasası [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/files/anayasa/docs/1924/1924-ilkhali/1924-ilkhali.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).
11. Шлыков В.И. Армия в жизни современного турецкого общества // Перспективы. Фонд исторической перспективы. 2009. Июнь.
12. Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] / Российский Совет по международным делам. 03.09.2012. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytically-and-comments/analytically/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/>
13. Эшба Э.Д. Есть ли будущее у неоосманского проекта Турции? // Международная аналитика. 2016. № 1. С. 109–114. Режим доступа: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-1-109-114>
14. Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role // Alternatives. Turkish Journal of International Relations. 2012. Vol. 11. № 1. P. 71.
15. Tarik Oğuzlu. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs. 2007. № 61(1). P. 81–97. DOI: 10.1080/10357710601142518.
16. Едемский А.Б. Неоосманство как реальность современной геополитики [Электронный ресурс] // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2 (11). Режим доступа: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/18.pdf>
17. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-tarihcesi.tr.mfa> (дата обращения: 2.09.2022).
18. Исаев А. Символы внешней политики Турции [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь». Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/22524> (дата обращения: 17.06.2022).
19. Шлыков П. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 53–66.
20. Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. P. 15.
21. Надеин-Раевский В.А. Турция на пороге непростого выбора [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1040> (дата обращения: 19.06.2022).
22. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye’nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2010.
23. Аватков В.А., Дружиловский С.Б. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель – Observer. 2013. № 6 (281).
24. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 28.02.2010. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562
25. Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-ataturks-era-ru.ru.mfa> (дата обращения: 5.10.2022).
26. Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4.
27. Кудряшова Ю.С. О проявлении неоосманских амбиций в современной региональной политике Турции // Международная аналитика. 2015. № 3. С. 84–91. Режим доступа: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2015-0-3-84-91>

28. Конституционный референдум в Турции в 2017 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 1.07.2022).

29. Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 2. С. 84–92. Режим доступа: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-2-84-92>.

HISTORICAL ROOTS OF NEO-OTTOMANISM IN TURKISH FOREIGN POLICY

P.E. Smirnova

The article is devoted to neo-ottomanism that is known as the foreign policy concept of Turkey. The ideologist of neo-ottomanism is A. Davutoglu. The doctrine implies a foreign policy based on the Ottoman heritage of the country and modern realities. The article analyzes the external factors that contributed to the activation of the ideology of neo-Ottomanism in the 21st century. Moreover, it examines the connection between the concepts of neo-Ottomanism, pan-Islamism and pan-Turkism. The author pays attention to the historical origins of the ideology of neo-Ottomanism and “zero problems with neighbours” policy in the framework of the implementation of this doctrine in the foreign policy. The author comes to the conclusion that the concept has not been fully formed and is adapting to new conditions. What is more, the failures of foreign policy in certain areas are forcing Turkey to turn its eyes to new promising regions.

Keywords: Neo-Ottomanism, Pan-Islamism, Pan-Turkism, Turkey, “Strategic Depth” doctrine, zero problems with neighbours.

References

1. Druzhilovsky S.B. Turkey: the habit of governing // *Russia in global politics*. 2005. Vol. 3. № 6. P. 48–61.

2. Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: National interests and imperialism // *Political Science*. 2013. № 3. P. 117–136.

3. Petrosyan Yu.A. Turkish journalism of the reform era in the Ottoman Empire (late XVIII – early XX century). M., 1985.

4. Kemal H. *Karpat. The Politicization of Islam*. Oxford University Press, 2001.

5. Vartanyan E.G. Ideological and political presuppositions of the tragic events of the turn of the XIX–XX centuries in the Ottoman Empire: doctrines of panomanism, pan-Islamism, pan-Turkism // *Historical and socio-educational thought*. 2015. Vol. 7. № 3. P. 26–30.

6. Ertekin O. *Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce*. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul, 2009. P. 345–387.

7. Meyer M.S. Russia and the Islamic world // *Historical Bulletin*. 2015. Vol. 11. № 158.

8. Kireev N.G. *History of Turkey XX century*. M.: IV RAS: Kraft+, 2007. 608 p.

9. Danilov V.I. *Metamorphoses of Turkish nationalism // Middle East and Modernity*. M.: MEI, 2000.

10. *Türkiye Cumhuriyeti 1924 Anayasası* [Electronic resource] // *Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı*. Access mode: <https://www.tbmm.gov.tr/files/anayasa/docs/1924/1924-ilkhali/1924-ilkhali.pdf> (date of access: 04.09.2022).

11. Shlykov V.I. The army in the life of modern Turkish society // *The prospects. Historical Perspective Foundation*. 2009. June.

12. Nadein-Rayevsky V.A. Search for a new identity and Turkey's foreign policy [Electronic resource] // *The Russian Council for International Affairs*. 03.09.2012. Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnost-i-vneshnyaya-politika-turtsii/>

13. Eshba E.D. Does Turkey's neo-Ottoman project have a future? // *International Analytics*. 2016. № 1. P. 109–114. Access mode: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-1-109-114>

14. Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role // *Alternatives. Turkish Journal of International Relations*. 2012. Vol. 11. № 1. P. 71.

15. Tarik Oğuzlu. Soft power in Turkish foreign policy // *Australian Journal of International Affairs*. 2007. № 61(1). P. 81–97. DOI: 10.1080/10357710601142518.

16. Edemsky A.B. Neo-Ottomanism as a reality of modern geopolitics [Electronic resource] // *Problems of national strategy*. 2012. № 2 (11). Access mode: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/18.pdf>

17. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi* [Electronic resource] // *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı*. Access mode: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-tarihcesi.tr.mfa> (date of access: 2.09.2022).

18. Isaev A. Symbols of the foreign policy of Turkey [Electronic resource] // *Journal «International life»*. Access mode: <https://interaffairs.ru/news/show/22524> (date of access: 17.06.2022).

19. Shlykov P. Turkey and the EU: Ankara's policy on the eve of the migration crisis // *Modern Europe*. 2016. № 3 (69). P. 53–66.

20. Perinçek D. *FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları*. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. P. 15.

21. Nadein-Rayevsky V.A. Turkey on the threshold of a difficult choice [Electronic resource] // *International life*. Access mode: <https://interaffairs.ru/author/material/1040> (date of access: 19.06.2022).

22. Davutoğlu A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2010.

23. Avatkov V.A., Druzhilovsky S.B. Foreign political ideologems of Turkey // *Obozrevatel – Observer*. 2013. № 6 (281).

24. Davutoglu A. Foreign Policy of Turkey and Russia [Electronic resource] // *Russia in global politics*. 28.02.2010. Access mode: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562

25. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkey [Electronic resource]. Access mode: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-ata-turks-era-ru.ru.mfa> (date of access: 05.10.2022).

26. Svistunova I.A. The Middle East in Turkey's foreign policy in the XXI century: regional strategy // Problems of the national strategy. 2012. № 4.

27. Kudryashova Yu.S. On the manifestation of neo-Ottoman ambitions in the modern regional politics of Turkey // International analytics. 2015. № 3. P. 84–91. Access mode: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2015-0-3-84-91>

28. Constitutional referendum in Turkey in 2017 [Electronic resource] // RIA Novosti. Access mode: <https://ria.ru/spravka/20170424/1492828175.html> (date of access: 01.07.2022).

29. Nadein-Rayevsky V.A. Foreign policy of Turkey: winds of change // World economy and international relations. 2013. № 2. P. 84–92. Access mode: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-2-84-92>.